

перевод Елены Музыкантовой

ТОТ ЛИНДА МОМЕНТ ГРИН

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФ](#)

МИФ

ДО

1. Финн

Меня зовут Финн — как Гекльберри, — и со мной все в порядке. Точно это знаю, потому что отец изо всех сил старался отыскать во мне хоть какой-то изъян, но я выдержал все проверки. Оказалось, что я просто странный, но для оценки странности тестов нет, а если и есть, отец о них не в курсе.

Фамилия моя Рук-Картер, и это тоже странно, потому что она двойная (аккуратный способ обозначить, что две разные зачем-то слепили вместе). Мама говорила, они с отцом так поступили, чтобы в моем имени была частичка и от нее, и от папы. Только теперь, когда родители разводятся и бьются, с кем же я останусь, понятия не имею, что станет с моей фамилией. Может, с понедельника по среду я буду Финн Рук, в четверг и пятницу — Финн Картер, а на выходных, когда меня делят между одним и другой, — Финн Рук-Картер.

Насчет боев за меня — нет, родители не сражаются буквально, как персонажи в «Звездных войнах», просто много ругаются и держат адвокатов, которые постоянно сочиняют друг другу послания, чтобы лишний раз позлить. В четвертом классе Джейден Мак-Гриви повадился слать мне обидные записки, так мама даже на него адвоката натравила. В итоге Джейдену пришлось сочинить еще одну записку, уже с извинениями, хотя точно знаю, ни в чем он не раскаивался.

Мама с папой рассказывают, что адвокаты обходятся им в кучу денег, и это весьма глупо, как по мне. Если нужно

просто кого-то позлить, да наймите того же Джейдена, он за пачку мармеладок справится.

Лично я мармеладки не ем, потому что мы с мамой вегетарианцы. Ребятам в школе не понять, в чем проблема, ведь в сладостях не видно кусочков мертвых свиней или коров, из которых делают желатин, так что это просто еще один повод считать меня чудиком.

Я даже список составил, что во мне, на их взгляд, странного. На самом деле перечень куда длиннее, но раз уж повелось составлять топ-10 по каждому поводу и без, вот вам десять основных причин.

1. Не люблю футбол и не могу назвать по имени ни одного игрока.
2. Не ем мармелад.
3. У меня вьющиеся рыжие волосы, а не прямые короткие каштановые, как у нормальных людей.
4. У меня нет мобильного телефона.
5. Не играю в видеоигры.
6. В жизни не ходил в «Макдоналдс».
7. Люблю садоводство и восхищаюсь Аланом Титчмаршем.
8. Играю на укулеле.
9. Не люблю футбол (это настолько странно, что стоит упомянуть дважды).
10. У меня «пчелиный» рюкзак.

Что касается последнего пункта: это не значит, будто я ношу желто-черный рюкзак в виде пчелы. Таких я сменил целую кучу — мама каждый год покупала мне новый, но на десятый день рождения вручила серый с принтом из пчел. Заявила, что такой — более взрослый. Папа только глаза закатил, правда не в открытую (тогда они еще изображали дружную семью, особенно передо мной и особенно на дни рождения).

На следующей неделе я пошел в школу, и дети опять подняли меня на смех, так что, пожалуй, отец был прав.

Неважно. Как по мне, если уж решил быть странным — будь им до конца, а не думай, якобы что-то нормальное в тебе все же осталось. Люди все равно найдут, что в тебе высмеять.

А когда по осени настанет время идти в среднюю школу, будет куда хуже. Родители и об этом много спорили. Отец заявил, что мне нельзя идти туда же, куда пойдут нынешние одноклассники: уж там меня просто «живьем сожрут». Он сказал это не при мне, просто я в очередной раз услышал их с мамой разговор.

Родители думали, что я сижу в спальне и занимаюсь на укулеле. Так и было, только мне приспичило в туалет, а они ссорились на кухне. Если уж хотите тайком поцапаться, не делайте этого на кухне — у нее ведь нет двери, и ума не приложу, как взрослые этого не замечают. Когда папа сказал про «сожрут живьем», у мамы как-то странно изменился голос. Поначалу я решил, что ее задела формулировка (все-таки как вегетарианка она вряд ли одобряла поедание кого-либо заживо). Но затем мама заметила: иногда кажется, что отец меня стыдится. Папа заявил, что нет, просто реально оценивает мои шансы вписаться в коллектив. «Вот почему я хотела бы перевести его на домашнее обучение», — ответила мама, а папа фыркнул и сказал, что мне нужна нормальная школа, а не уроки кулинарии за кухонным столом. Мама начала плакать, больше я ничего не разобрал, поэтому вернулся к себе и принялся играть на укулеле «Ты мое солнце».

Пару недель спустя в субботу утром меня свозили в другую, старомодную школу рядом с Илкли, где я сыграл на укулеле и пианино. Вскоре после этого мама с папой усадили меня и объяснили, что именно в это заведение я пойду в сентябре. Вернее, объяснял папа, а мама только старательно улыбалась и кивала, из чего я понял, что затея принадлежала именно ему. Мне наказали никому

не говорить, куда иду, потому что не каждый может позволить себе такое заведение и не все поймут, в чем суть музыкального образования.

Я все же сказал Лотти, своей лучшей подруге — собственнно, моей единственной подруге, — она погуглила и заявила: на самом деле родители развели такую таинственность, потому что школа частная, для богатеньких сынков влиятельных родителей. Лотти в таких вещах разбирается, ведь ее мама — лейбористка¹ и однажды сидела рядом с Джереми Корбином² на полевой кухне для бездомных (в смысле, мама Лотти готовила суп, а Корбин просто посещал мероприятие. Я еще подумал: как-то неправильно с его стороны есть то, что вообще-то приготовили бездомным, но подруге высказывать свои сомнения не стал).

— Финн, не хочешь помочь мне готовить кексы? — зовет снизу мама.

Она верит, что кулинария — отличное совместное развлечение после школы. Честно говоря, после школы почти что угодно сойдет за отличное развлечение, и если иного способа отложить выполнение домашнего задания нет, то и такой сгодится.

Когда я спустился, она уже разложила ингредиенты на столе. Мы, как обычно, готовили кексы с абрикосами, апельсинами и отрубями. Еще одна моя странность. Если в школе устраивают благотворительные распродажи, наша выпечка разительно отличается от того, что приносят прочие дети. Рыже-коричневая, а не шоколадная, никакой глазури или посыпок. Наверное, поэтому никто никогда ее не берет. Иногда что-то покупает учительница — вероятно, из жалости, а иногда нам даже приходится увозить все обратно, чтобы не выкидывать.

¹ Лейбористы — члены Рабочей партии, одной из двух ведущих в Великобритании и наиболее влиятельной партии Социнтерна. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

² Британский политик, лидер Лейбористской партии и оппозиции с 2015 по 2020 год.

— Ну что, снова будешь медовым монстром? — с улыбкой спрашивает мама, накидывая мне через голову фартук.

Временами она разговаривает со мной так, будто мне до сих пор девять. И пожалуй, сама этого не замечает.

— Ага, — с улыбкой отзываюсь я, и она вручает мне банку с медом.

Мы столько раз готовили эти кексы, что безо всякого рецепта помним порядок. Я отмеряю все ингредиенты, иначе мама набросает их на глаз, а мне это не нравится.

— Ну что, как сегодня в школе? — спрашивает мама, пока я сыплю муку в чашу.

— Нормально. — Как показал опыт, это лучший ответ. Если скажу, что отлично, она поймет, что я лгу. А так вроде я и не в восторге от учебы, зато меня не побили.

— Что вы сейчас читаете? — интересуется она, заправляя за ухо длинный рыжий локон.

— Ничего. Просто готовимся к экзамену по английскому.

— Как, все время?

— Да. Ну, кроме тех уроков, когда готовимся к экзамену по математике.

Мама качает головой и как-то странно поджимает губы. Она экзамены не одобряет. И даже сказала в начале года, что сдавать их необязательно, но я-то понимаю, что тогда снова останусь белой вороной, а я и так устал везде и во всем отличиться. Поэтому экзамены все же сдам.

Мама разрешает мне разбить яйца в чашку, что я и делаю, сопровождая каждое куриным квохтанием. Это всегда ее веселит, чего я, собственно, и добиваюсь. Она тоже начинает квохтать, размахивать руками на манер крыльев и пританцовывать по кухне. Мне так нравится, когда мама дурачится. Последнее время она делает это куда реже, чем прежде. Я тоже присоединяюсь к «цыплячьему танцу». Мы так смеемся, что не слышим, как папа открывает дверь. И вообще замечаем его, только когда он встает на пороге кухни, приподняв бровь и с полуулыбкой на лице.

— Привет, а что вы тут делаете? — интересуется отец, взъерошив мои волосы (все вечно норовят их взъерошить. Видимо, кучерявые волосы обладают какой-то особой притягательностью).

Папа смотрит на меня. Он всегда теперь смотрит строго на меня, даже если отчасти обращается и к маме тоже.

— Исполняем танец чокнутых куриц, — докладываю я.

— А что, есть какой-то особый повод?

— Да просто весело, — объясняю я.

Мы с мамой опять пускаемся в пляс. Папа выглядит немного сбитым с толку. Он никогда не пек вместе с нами, но всегда исправно поглощал наши кулинарные творения, брал мои кексы и печенья на работу, фотографировал, перед тем как съесть, а потом показывал мне снимки, приходя домой. Только вот не помню, когда в последний раз это было.

— Ясно. А домашнюю работу ты уже выполнил или сделаешь позже?

Мама прекращает танцевать и гневно смотрит на отца. Словно кто-то проткнул большой иглой наш пузырь счастья, и тот лопнул.

— Мы веселимся, Мартин. Если это по-прежнему дозволяется.

— Конечно.

— Именно. Так не порть все, пожалуйста, напоминая о домашней работе в ту же секунду, как переступил порог. Тебе словно не нравится, что Финн веселится без тебя.

И вот опять они говорят обо мне так, будто я не стою в той же самой комнате. Не знаю, правда ли я в такие минуты становлюсь для них невидимкой, или они верят, что во время родительских ссор я каким-то образом глохну.

— Ты же знаешь, что это не так.

— Так к чему упоминать домашнюю работу? Его и так грузят в школе этими дурацкими контрольными.

Я вытираю руки о фартук, хотя те не особо запачкались. Прочищаю горло, напоминая о своем присутствии. Взрослые смотрят на меня, и оба опускают глаза.

— Ладно, тогда не буду вам мешать, — заявляет отец, нацепив фальшивую улыбку. На миг кажется, что он сейчас опять взъерошит мне волосы, поэтому я отступаю в сторону и беру деревянную ложку. Не проронив больше ни слова, папа выходит.

— Даже не спросил, может ли потом взять кекс, — замечаю я.

— Нет, — отвечает мама. — Не спросил.

Мы возвращаемся к готовке, но никто уже больше не пляшет и не смеется. Когда мама ставит кексы в духовку, я еще смотрю на них и думаю, не опадут ли они теперь, после всей этой ругани, будут ли такими же вкусными, как обычно? Однако позже выпечка остывает, мама приносит одну штучку мне в комнату на тарелке, и выясняется, что вкус никак не пострадал. Мне становится чуть лучше.

Той ночью я лежу в кровати и слушаю, как родители ругаются внизу.

Не могу разобрать слов, лишь резкие интонации. Вообще-то папа с мамой не всегда так говорили. Помню, были веселые нотки и звонкий смех. Только не знаю, куда они подевались.

Иногда я брожу по дому, будто ищущую эту радость, — вдруг родители засунули ее нечаянно куда-то в шкаф, да и позабыли. Вот бы вернуть им смех и веселье, чтобы больше не приходилось слушать резкие слова.

Раньше такого не было. Мы вместе гуляли, папа выдавал шутки, мама ворчала, но в то же время смеялась, мы останавливались полюбоваться на цветы, а я собирал листья и всякую всячину. Дома мама помогала мне сделать коллаж, папа его хвалил, все улыбались, и не было никакой резкости. Не помню, в какой момент наша жизнь изменилась и стала все больше превращаться в нынешнюю. Теперь она мне совсем не нравится.

Я поворачиваюсь на кровати и зарываюсь лицом в подушку.

Резкие голоса стихают, зато повисает гнетущее молчание. Иногда оно даже хуже ругани, ведь ты все равно слышишь невысказанные слова. Мне больше всего на свете хочется, чтобы прекратились ссоры и такие вот паузы и все стало как прежде. Чтобы смех мамы колокольчиком звенел по дому, чтобы она снова напевала, ходя по комнатам. Я даже помню, как протискивался между родителями в кровать по утрам, они щекотали меня, а я хихикал.

Ужасно боюсь щекотки — прямо как папа. Мы с мамой вечно норовили его зашекотать. Я мечтаю, чтобы мы опять стали той счастливой семьей, но не представляю, как это устроить. Ну то есть я знаю, как приготовить кексы из абрикосов, апельсинов и отрубей, как играть на укулеле и прочую ерунду, а вот самое главное, самое нужное — нет.

Подхожу к школе. Никто не бежит со мной поздороваться, но, с другой стороны, никто не обзывает фрикком и не пытается ударить, так что, пожалуй, день начинается неплохо. Мама маячит у ворот и как-то странно на меня смотрит — примерно так же, как на нашего кота Аттикуса, когда оставляет его в питомнике перед отъездом на каникулы. Не понимаю, в чем суть; не то чтобы она вернется, а я выйду к ней навстречу, исхудав и мяукая от голода, потому что всю неделю ничего не ел. Мы вообще, по сути, расстаемся всего на десять минут, ведь мама идет на праздничное собрание. Нам их устраивают каждую пятницу, по утрам, приглашают родителей. Обычно приходит мама — она самозанятая, а люди так рано на прием не записываются. Мама — гомеопат и ароматерапевт, иными словами, лечит людей, не назначая им таблетки и не посылая их в больницу. Мне об этом говорить нельзя, потому что не все люди верят в гомеопатию. Это примерно как с Богом. Мы в него не верим, но на собраниях мне иногда приходится его воспевать. А вот гомеопатов мы не воспеваем, и как-то это не очень честно получается.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

Проза:

Детские книги:

